

Владлен Щербаков

В. ЩЕРБАКОВ

У
Б
И
Т
Ь
Р
А
Б
А

ЧАСТЬ 2

УБИТЬ РАБА

Владлен Щербаков
Убить раба. Часть 2

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Щербаков В.

Убить раба. Часть 2 / В. Щербаков — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Рабство никто не отменял.«Жить в обществе и быть свободным от общества невозможно!» - говорил великий вождь.Рабам системы посвящается.

Содержание

Часть 2. УБИТЬ РАБА	6
БОЛЕЗНЬ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	17

УБИТЬ РАБА

Часть 2. УБИТЬ РАБА

В кабинете начальника отдела полиции несмело рассаживается дежурная смена. Майор Зайсунцев бодр и свеж, глаза навывкате сверкают – начальник плотоядно рассматривает овощной набор. К 8 часам утра кроме как овощами дежурный наряд не назовешь. Ночью никто не спал, стараясь выполнить начальственные требования по оформлению «баранок»: рапорта, опросы, справки, планы первоначальных ОРМ. Всю ночь опера и следователи скрипели ручками и стучали по клавиатуре, набивая уголовные дела бумагой. Бумага превращалась в документы, судя по которым дежурная смена сделала чуть больше чем могла для раскрытия очередного преступления, но установить виновного все же не смогла. Теперь уставшим потным полицейским предстояло напрячь опухшие головы и найти слова оправдания.

Овощи – ответственный, опер, следователь и дознаватель – осторожно прикладывают обтянутые темно-синим сукном зады на жесткие стулья в ряд у стены. К ним спиной за приставным столом в мягкий стул вонзил тазобедренную кость начальник уголовного розыска. Пантелеев сидел с прямой спиной и расправленными плечами, белая рубашка моталась на едва прикрытом жилами скелете, как простыня на огородном пугале.

– Ответственный, доложите обстановку. – Зайсунцев откинулся на спинку кожаного трона и выпучил глаза на Рассошкина.

– За прошедшие сутки, – бодро начал Рассошкин, – зарегистрировано 73 обращения граждан, по которым...

– Ты первый раз ответственным заступил? – прервал начальник. – Ты мне рапорт дежурного не повторяй! Доложи о преступлениях и что по ним сделано!

– Слушаюсь, Денис Александрович! – втянул голову Рассошкин, собрав загромок гармошкой.

– За сутки возбуждено шесть уголовных дел: три по фактам краж, два грабежа и одно по факту обнаружения боеприпасов у гражданина Булкина.

– Что за боеприпасы? – скривил бровь Зайсунцев.

– Десять патронов 5,6 миллиметра, согласно справки эксперта признаны боевыми, Булкин в протоколе расписался, вину признает.

– Понятно, опять алкаша уговорили.

Пантелеев сжал челюсть, отчего губы выехали вперед, взгляд при этом стал одновременно подобоострастный и осуждающий.

– Пантелеев, у нас на территории боеприпасы в каждом мусорном баке валяются. – Зайсунцев перевел дула глазниц на начальника уголовного розыска. – Третью неделю подряд бомжи патроны находят. Никакой фантазии!

– Проявим фантазию, товарищ майор! – пообещал Пантелеев.

– Что по нераскрытым? – снова начальственные глаза выпучились на Рассошкина.

Ответственный по смене зашелестел блокнотом и доложил о проделанной работе:

– Проверены места возможного сбыта – 6 ломбардов, 4 мини-рынка, опрошены продавцы, просмотрены журналы приема товаров. Помещения ломбардов сфотографированы, фотографии приложены в дела.

– Каждое утро в делах одни и те же фотографии. Вы бы хоть с разных ракурсов нафотографировали, потом чередовали. – усмехнулся Зайсунцев.

– Сколько отработали ранее судимых?

– Отработано 18 человек. Опрошены, дактилоскопированы, сфотографированы.

– Караваев, – обратился Зайсунцев к оперу, замеревшему на краешке стула у стены, – Расскажи, как отработывал.

– Алиби проверял, – вскочил и вытянулся Караваев. – Соседей опрашивал, родственников. Самых судимых расспрашивал.

– Признался кто-нибудь? – снова усмехнулся начальник отдела. – Ты их где отработывал, по месту жительства или в отдел привозил?

– Кого привозил, кого дома. – стушевался Караваев.

– Пантелеев! Сегодня же сделай макет, по которому дежурный опер будет отработывать ранее судимых. Чтобы в рапортах я работу оперуполномоченного видел, а не отписки!

– Понял, Дмитрий Александрович! – насупил брови Пантелеев. – Сегодня же дам указание.

– С какими бестолочами приходится работать. – проворчал Зайсунцев, когда дежурная смена на полусогнутых ногах вышла из кабинета.

– Так точно. – поддакнул Алексей Николаевич. – Контингент оставляет желать лучшего.

– «Контингент»! Лодыри и придурки! Как с такими раскрываемость повысить? Хорошо хоть субординацию знают. Ты от всех избавился?

– Последний нежелательный элемент сейчас в другой район переводится, Денис Александрович. – Пантелеев кашлянул.

– Что еще? – шевельнул ноздрями Зайсунцев.

– Так, кстати. Я сводки просматривал по области, недалеко от села Большой Карабулак обнаружен сгоревший автомобиль. По номерам установлено, что он принадлежит Кабанову Дмитрию Петровичу. Не помните такого?

– Нет, почему я должен помнить?

– Наш бывший сотрудник, который сам увольняться не пожелал, который в СИЗО наркотик хотел пронести.

– Ну и?

– В сгоревшей машине обнаружен его труп! – скривил губы в улыбке Пантелеев.

– Что он там делал? В Карабулаке этом?

– Неизвестно. В сводке указано, что машина полностью сгорела, причина пожара устанавливается, но по внешним признакам пожар возник в результате столкновения с деревом. Труп тоже обгоревший, но обнаружены документы на имя Кабанова.

– Сгорел, ну и хуй с ним! – Денис Александрович Зайсунцев взял пульт от кондиционера и прибавил холодку. – Снова жара начинается. Иди, Пантелеев, работай.

БОЛЕЗНЬ

Кому она такая жизнь нужна? Проснешься и борешься за нее, будто должен кому. Что хорошего в такой жизни? Поэтому и спивается народ, уходит от проблем. А кто проблемы ярмом на шею вешает? Всю жизнь тебе приказывали, всю жизнь подчинялся. Работал! За еду.

Как этот хирург Шекспиром баюкал: «уснуть забыться».

Документов нет, квартира продана – не отсудишь, друг мертв. Самого за убийство ищут. Заловят, ничего слушать не станут: пальцы на бутылке, еще какую улику мастера сыскного–подкидного дела привинтят, никакой адвокат не поможет. Суд, этап, Нижний Тагил, красная зона. Лет 8 животного существования. Дальше, если выживешь, – болезни, унижительная старость.

Всю жизнь работать на каких-то убудков, получать гроши и радоваться, что тебе дают жить! Так ли уж нужно за жизнь такую цепляться?

Кабанов лежал на спине и смотрел в темноту. Есть ли там, за гранью, что-нибудь?

Кабанов был реалистом. Нет там ничего, не нужно себя утешать. Даже тьмы нет. Нет – это значит отсутствие чего-либо. А нет хорошего, нет и плохого, что уже хорошо. Такой вот инстинкт самосохранения – избавиться от мучений. Эвтаназия. Предлагал же Трайбер. Но тогда это не собственный выбор был.

А как же инвалиды живут, смертельно больные за каждый час зубами цепляются? Не слишком ли себя любишь, не гордыней ли отравлен? Забыл, как результаты биопсии ждал, как молил Бога отвести смертельную болезнь? И работать готов был, кем угодно, и от всех удовольствий в жизни отказаться, лишь бы жить.

А сейчас, когда физически здоров, бравируешь, жить или умереть выбираешь.

Если и так! Это выбор разумного существа. Как говорится, пока жив, всегда есть выбор. Выбор жить рабом или покинуть мир свободным. Мертвый – свободный? Окстись, такой уж и раб? На хлеб всегда заработать можно. Можно и на отруби в корыте.

Кабанов лежал на продавленном матрасе в комнате с маленьким окном. Такие же матрасы были разложены по всему полу, на них храпели и выпускали кишечные газы азиаты–гастарбайтеры. Углекислый газ путал сознание, мысли гуляли по лабиринтам мозга.

Вон друзья–таджики спят вповалку, едят руками из общего котла и скалят коричневые зубы. Все у них хорошо. А через пару десятков лет будет еще лучше. В процентном отношении азиаты перевалят за половину. Их дети станут гражданами России. Культурный уровень снизится, но жить станет веселей. Так что нынешним рабам из Азии есть к чему стремиться, есть ради чего жить и терпеть. А у бывшего белого человека, бывшего хозяина своей жизни ни детей, ни плетей.

«Жить будем!» – вспомнил свои слова Дмитрий.

Выпулив с территории санатория имени Августа Хирта, Хаким гнал «шаху» по трассе еще минут сорок. Стрелка тахометра гуляла в красной зоне, из глушителя валил синий выхлоп вперемешку с маслом. Двигатель на предельных оборотах перегрелся, пришлось съехать на обочину. Слава Богу, их никто не преследовал.

Пока Хаким принимал меры к охлаждению мотора, выразившиеся в махании руками и плевками в открытый капот, Дмитрий отвел Катю в сторону.

– Катюша, тебе на некоторое время надо скрыться. Со мной нельзя, пока не разберусь с бандитами и с властью. Есть куда уехать?

– К подруге поеду, она в соседней деревне живет.

– Не пойдет, слухи быстро разлетятся. Не думаю, что тебя искать с большим усердием будут, но рисковать не стоит. Надо уехать в один из соседних городков, скажем, в Энгельс, снять комнату на месяц и ...

– И что я там делать буду? – перебила девушка. – В четырех стенах от собственной тени шарахаться?

– Прости, Катюш, что втянул в свои проблемы. – Дмитрий приобнял подругу. – Но теперь по-другому нельзя. Это ненадолго, я разберусь, не успеешь соскучиться. Верить?

Катя нахмурилась, подняла взгляд – в глазах словно кусочек ясного неба.

– Верю, куда деваться.

У Дмитрия защемило сердце, снова ворохнулась мысль об упущенном счастье.

– Вот и молодец. Деньги у тебя есть?

– Да, на карточке. Надо за ней и за паспортом домой заехать.

– Хаким, – Кабанов подошел к таджику, – у тебя тоже хочу прощения попросить, что к опасному делу привлек.

– Настоящий мужчина сам ищет опасности! – немного рисуясь, сказал Хаким. Он стоял перед открытым капотом и вытирал руки тряпкой.

Собственно, на такой ответ Кабанов и рассчитывал.

– Тогда у нас впереди еще много находок. Если ты не против конечно.

– До твоего появления как саксаул по пустыне стелился, сейчас орлом в синем небе летаю.

– Ты прям Турсун-заде непризнанный.

– Мне больше Саади нравится. – выдал таджик. – Много в своей жизни старик испытал. «Кто доброе сеет – добро его плод, кто злое посеет – злодейство пожнет».

Дмитрий открыл рот, Хаким и Катя засмеялись.

– Ох, не простой ты таджик! – Кабанов погрозил пальцем. – Не шпион часом? Хотя это было бы кстати – помог бы на нелегальное положение перейти.

– Ха! С этим я тебе и так помогу, нелегалом больше, нелегалом меньше.

– Тогда сначала с Катей определиться помоги. Надо к ней на квартиру сгонять за документами, а потом на автовокзал.

– Поехали, чего стоять. – Хаким захлопнул капот и снова рисанулся: – Способность, доблесть – все ничто, пока мы не приложим труд.

На автовокзале Кабанов продолжал инструктировать Катю:

– Сейчас отсюда позвони маме со своего телефона. Скажи, тебя на месяц отправляют в командировку в Самару, например.

– Какая командировка у продавцов, Дима?

– Открывается новый магазин, не хватает квалифицированных кадров. Ты ведь квалифицированная девушка? – Кабанов шутливо толкнул подругу плечом.

– Осторожней, Дима! – Катя держала в руке бутылку «Нарзана».

– Квалифицированная как продавец или как девушка? – улыбнулась Катя.

– Не отвлекайся. Наври, что хочешь, но мама не должна тебя в розыск подать – это раз, если у мамы спросят, где ты, она ответит в Самаре, то есть введет в заблуждение – это два.

– Это ты сейчас Фандорина изображаешь?

– Ты еще скажи, счет «раз, два, три» Акунин придумал! – парировал Дмитрий Петрович.

– Как маму успокоишь, аккумулятор из телефона вынешь и телефоном временно пользоваться не будешь. Сим-картой своей тоже. Лучше перестраховаться. Попользуешься пока этим. – Кабанов достал из кармана Нокию 1100 – Раритет!

– А получше ничего не было? Купил бы в салоне самый дешевый, а в этом мало ли какой наркоман кашлял!

– Кать, я на рынке за тысячу два таких купил вместе с симками! А бактерии все давно на солнце изжарились. Бери, сейчас не до гламура.

– Ладно. – двумя пальцами девушка взяла пошарпанный раритет, сунула в карман сумки с ноутбуком.

– Телефон только для связи со мной и службой 911.

– Ты сам звони почаще, а то я со скуки с ума сойду.

Парочка сидела на скамейке напротив площадки рейсовых автобусов, следующих до Энгельса. Потихоньку к площадке стали подтягиваться другие пассажиры.

– Чего мы на самом солнцепеке? – Катя отхлебнула минералки. – Сидели бы в зале ожидания.

– Там прохладно и пирожки, там транспортные полисмены выполняют свои обязанности, у них может ориентировка на меня быть. – объяснил Дмитрий.

– А здесь ты неприметный совсем в своей черной брезентовой куртке. – заметила Катя.

– Место, где мы сидим, видеокамеры не захватывают, к тому же двухчасовой уже на подходе.

Подъехала «Скания», с шипением раздвинулись двери.

– Пора. – Кабанов поднялся. – Давай прощаться.

Катя встала, в глазах заблестела синева.

– Тихо, тихо, – Дмитрий промокнул губами слезинку, сползавшую по щеке, и обнял девушку, прошептал в ухо. – Все будет хорошо.

– Ты не спеши. – так же шепотом отозвалась Катя. – Делай все как надо, я буду ждать.

– Вставай, Хаким–заде, – Кабанов упал на сиденье, поморщился – в крестец вдавился пистолет. – Нас ждут великие дела. – резко захлопнул дверь.

Таджик резко придал позвоночнику вертикальное положение, покрутил головой, хлопая глазами, затем ладонью провел по лицу.

– Я давно сплю?

– Не думаю, что выспался. Я говорю, нам еще об одном человеке позаботится, нельзя раз спасти, а потом бросить. Поехали, может, сектант цел еще. Нам к кафе «Фрау Мюллер» надо.

– Проводил подружку? – Хаким завел «шаху», автомобиль, мигая красными лампочками на приборной панели, тронулся к выезду с парковки.

– Проводил. – Дмитрий смотрел на стеклянные двери автовокзала. – Втянул я ее в мясорубку.

– Ничего, она хорошая и умная. Любит тебя.

– С чего ты взял?

– Да видно же без очков!

– Ты продолжаешь меня удивлять – и поэтов цитируешь и портреты психологические рисуешь!

– А ты думаешь, раз чурка, тупой значит. – оскалился Хаким, но глаза нехорошо сузились.

– Нет, я так не думал. – серьезно сказал Кабанов. – С тобой как с другом разговариваю.

– Ладно, – смягчился таджик. – Слушай, брат, расскажи, что происходит.

– Странно, что только спросил, удивительный ты человек.

– Терпел знаешь как!

– Был у меня друг, с одного момента я его за брата посчитал. Это мы его вызволять ездили. А «брат» оказался врагом, главарем банды черных транспортологов. Знаешь, кто такие?

– Из людей органы достают и богатым больным продают.

– Вот и ему от меня печень нужна была.

– Это тот светловолосый, которого на мушке держал?

– Да, он самый – Трайбер его фамилия.

– Почему сразу его не убил? Разом бы от всех хлопот избавился!

– Не знаю. – вздохнул Дмитрий. – Пообещал отпустить. Да и смерть его не решила бы проблем. В чем-то он прав был.

Хаким покосился и сказал:

– Усложняешь ты все. Есть нехороший человек – есть проблема, кончился человек – нет проблемы.

– Меня, скорее всего, полиция ищет за убийство, которое я не совершал. Зато я убил живодера, который из Генки, настоящего друга, органы вырезал. У Трайбера целая организация была, к одному из несостоявшихся доноров мы и едем. Только домой к нему соваться не резон – в квартире могут работники морга хозяйничать. Мы через одного бородатого теоретика на Горохова выйдем.

– Через Карла Маркса? – спросил Хаким.

– Типа того.

– Я говорю, через проспект Карла Маркса ехать? – засмеялся таджик.

– А, ну да! – у Кабанова внезапно поднялось настроение.

Хаким припарковался в тени дома рядом с кафе, где подавали в основном пиво.

– Я постараюсь побыстрее. Если что, позвоню. Забей-ка себе новый номер. – Кабанов набрал номер (теперь Дмитрий запоминал нужные номера), дождался ответного сигнала.

– Если меня долго не будет и телефон отключен, уезжай.

– Иди, я дождусь. – Хаким дернул рычаг под сиденьем, откинулся на спинку. – Посплю пока.

Кабанов обогнул дом и вышел к обителю Бориса Львовича.

Рюмочная встретила знакомыми запахами и равнодушными взглядами завсегдатаев и барменши. Кабанов зашел на удачу и удача ему улыбнулась – за одним из столиков, уставившись в стакан, грустил знакомый бородач.

– Снова в одиночестве, дядя Боря? – Кабанов, улыбаясь, присел за столик.

Бородач поднял седую голову, глаза сощурились.

– Ты кто?

Дмитрию почудился страх в голосе.

– Детектив я, Борис Львович. Горохова искал, помните?

Борис Львович повел себя совершенно неожиданно. Он вскочил из-за стола, опрокинув стакан с остатками жизнеобразующей жидкости, и по прямой, сшибая стулья и ударяясь о столы, устремился к выходу.

– Борька, твою мать! – закричала грудастая барменша по имени Алена. – Убьешься, дурак!

Кабанов улыбнулся заботливой Алене и побежал за сумасшедшим.

– Что случилось, дядя Боря? – поймать нетрезвого беглеца труда не составило. Дмитрий сграбастал бородача в 20 шагах от рюмочной, усадил на лавку.

– Это я – Дмитрий, мы недавно водку пили, ты мне свою теорию про сознание русского человека втирал, потом рассказал, где Андрюху Горохова найти.

Борис Львович хлопал глазами и мотал головой.

– Я нашел Андрюху-то! Он из Самары приехал?

«Горохов же к Трайберовским молодцам в руки попал!» – вспомнил Дмитрий. Судя по реакции дяди Бори, Горохов ему что-то успел сообщить, а сам дядя Боря принимает Кабанова за одного из бандитов.

– Я предупредить Горохова пришел, Борис Львович! Я не из этих, меня самого ищут! – втолковывал Дмитрий.

– Я, когда Андрея искал, не знал, что на бандитов работаю. Они меня самого хотели на часть поделить! Ты видел Андрюху? Ему скрыться нужно на время, пока я со всем не разберусь! Ты понимаешь меня, рожа алкашная? Ты же друг его!

– Не ори. Все я понимаю. – Желтые глаза алкоголика чудесным образом прояснились, с лица сошло испуганное выражение, даже борода пригладилась. – Пошли со мной.

– Куда?

– Домой ко мне, поговорим.

– Надеюсь, не об особенностях русского характера? – спросил Дмитрий, направляясь за Борисом Львовичем.

Хижина дяди Бори встретила запахом табака и стареющего одиночества. К удивлению Дмитрия в квартире, насколько можно углядеть с порога, довольно прибрано, вещей и мебели по минимуму и все на своих местах.

– Проходи, не разувайся. – разрешил хозяин. – Тапочки стариковские побрезгуешь надеть.

Всю недолгую дорогу Борис Львович озирался по сторонам, а впустив Дмитрия в подъезд, высунул голову за дверь, поглядел вправо–влево, как в шпионских комедиях. Поднявшись на четвертый, предпоследний этаж, Борис Львович, пока не отдышался, внимательно смотрел на Кабанова и вслушивался в подъездные шумы. И этот в шпионы решил поиграть, подумал Дмитрий, но принял игру со всей серьезностью: похлопал себя по карманам, распахнул куртку, достал пистолет из-за пояса, вынул обойму и вручил ее новоявленному резиденту. Дядя Боря преисполнился важности: глаза блеснули, борода развернулась. Открывал уже как союзнику. А союзник патрон в стволе приберег. На всякий случай.

– Проходи в комнату.

В комнате с пожелтевшими обоями и протертом ковре на полу из мебели шкаф, стол, два кресла с деревянными подлокотниками, телевизор на тумбе с перекошенными дверями.

– Дядя Боря, ты мне что-то рассказать хотел. – напомнил Дмитрий. Его уже стала раздражать стариковская таинственность.

– Андрей! – крикнул Борис Львович. – Выходи!

Дверь в стене открылась, из смежной комнаты выглянул Горохов.

– Меня привезли домой под утро двое мужиков в черных куртках, наподобие твоей. – Горохов сидел за кухонным столом и рассказывал о своих приключениях. Дядя Боря ставил чайник на плиту, время от времени бросая настороженные взгляды в окно. Кабанов, поставив локти на стол, внимательно слушал.

– Они меня в квартире заперли, оставили бутылку водки и хлеб с колбасой, которые по дороге купили. Кто такие, я не понял. Сказали, что от бандитов меня спасли. Я не понял ничего – у самих рожи криминальные, а у «харизмачей» меня не трогал никто. Я водку в раковину вылил, колбасы поел, лег спать, подумал, все скоро выяснится. На следующий день не приехал никто, я почитал, хлеб доел, снова лег спать – у себя дома время быстро летит. На следующий день после обеда дверь открывается, входят двое. Вздуродерженные, спрашивали, разговаривали со мной новичок в секте и твою фотографию показали. Я же не знаю ничего и ответить мне нечего. Они «пузырь» оставили и буханку хлеба, ушли, снова меня под замок. Я водку снова вылил...

– И сейчас не пьет! – подал голос дядя Боря и поставил кипящий чайник на стол.

– Борис Львович, налей воды просто, и так жарко. – попросил Кабанов. Он снял куртку, майка посерела от пота, зато мускулы блестели, как спрыснутые автозагаром.

– Нет, чай пить будем! – категорически изрек хозяин. – И перекусить тебе не мешает, вон снулый какой.

– Я бы и поспал, дядя Боря. – усмехнулся Дмитрий.

– Так оставайся, ложись, тебя никто не гонит. Можешь пожить, если негде, места хватит – две комнаты.

– Спасибо, только некогда. Дальше что было, Андрей?

Горохов бросил пакетик чая в стакан и продолжил:

– Не понравилось мне, что какие-то криминальные типы меня из дома не выпускают и спойть пытаются. Я решил убежать, но этаж высокий, дверь изнутри не открывается. Я соседям в стену постучал, никакого ответа. Думал, думал, как сбежать и решился. Утром в квартиру один из этих чернорубашечников зашел. Я возле двери остался. Когда этот дальше прошел, я за дверь выскочил с доской, которая после ремонта осталась. Я ее заранее у порога оставил. Доской я дверь припер и бегом на улицу. Там мне из машины заорали что-то, но я за угол дома, а потом по дворам побежал, оторвался, короче говоря. Пересидел в каком-то подъезде и к дяде Боре пришел. Вот, думаю, что дальше делать, в полицию идти или как?

– У тебя группа крови какая?

– Первая. А что?

– Послушай, что я скажу, и решай что делать. – сказал Дмитрий.

– Секта, куда ты попал, – те же самые бандиты, только в профиль. Товарищи специализировались на отъеме квартир у одиноких граждан.

– Да я и сам хотел им квартиру отписать! – Гороховские брови полезли вверх к самым кудрям. – В пользу церкви!

– Конечно в пользу церкви, брат Андрей! Не сомневайся! – съязвил Дмитрий. – В то же время на тебя положили глаз торговцы органами, это те товарищи, которые тебя из Самары привезли. Как-то они упустили момент когда ты в секту умотал. Начали искать, да не получилось. Один из главарей транспортологов по фамилии Трайбер, сволочь немецкая, притворялся моим другом, а на самом деле готовил мои органы к пересадке – я тоже пить бросил, спортом занялся. Трайбер попросил найти брата своей знакомой, тебя то есть. Тебе Шаронова Инна говорит что-нибудь?

– Нет. – Брови Андрея так и ползали у верхнего края волосяного покрова.

– Неважно. Трайбер знал, что я раньше опером работал и не смогу отказать, тем более Шаронова платила за поиски. Дядя Боря сообщил, кто тебя два месяца зомбировав и куда ты уехал. Дальше дело техники.

– Я, Андрей, из лучших побуждений! – прогудел Борис Львович. – Я ведь тоже думал, что за квартирой твоей охотятся, вернуть тебя хотел.

– Ты не ошибся, дядя Боря. Ага, спасибо. – Дмитрий взял из рук бородача бутерброд. – Андрей, твое счастье, что ты сбежал, а то бы не только квартиры лишился, а еще обновленной печени и почек, поехал бы путешествовать в Европу, только частями. Документы на квартиру у Ашана Бонитовича наверно?

– Ну да, я ему их сразу отдал, а на этой неделе мы должны были к нотариусу идти.

– Чего тянули, если ты давно согласен был?

– Паспорт надо было восстанавливать.

– Понятно. Судя по всему, документы Трайберовские ребята забрали, но они были заняты моим розыском. – Кабанов задумался.

– Если ты пойдешь в полицию, расскажешь всю историю, напишешь заявление, над тобой посмеются, участковый напишет «отказной». Откажут в возбуждении уголовного дела. – пояснил Кабанов. – Естественно, никакой защиты не предоставят, а, может, более того – адрес дяди Бори засветится. Потом тебя молодцы из той или другой банды изловят, и ты благополучно пропадешь.

– Что же делать? – спросил бывший сектант и несостоявшийся донор.

– Пока не знаю. – пожал плечами Дмитрий и куснул бутерброд.

– Но то, что ты жив, уже хорошо. А то мне не по себе было – отправил человека в кровавые руки черных хирургов.

Кабанов доел хлеб с колбасой, запил чаем и сказал:

– Поживи, Андрей, у дяди Бори пока и никуда не высывайся. Я продумаю ситуацию и предложу варианты. Договорились?

- Хорошо, но долго я не смогу на шее сидеть, надо будет на работу выходить.
- Ты главное пить не соблазнись! – Дмитрий поглядел на бородатого хозяина.
- Борис Львович пожевал губами, отчего борода с усами
- Я поэтому домой и не приношу. Да и сам завязывать думаю.
- Значит, договорились. Спасибо за ланч, пойдем, дядя Боря, проводишь меня.
- На пороге Кабанов попросил вернуть залог.
- А я и забыл совсем. – бородач достал из кармана обойму.
- Дмитрий снарядил пистолет и попрощался с хозяином.
- Ты еще на месте, Хаким? Сейчас буду, заводи пепелац.

В синей вышине чертили траектории стрижи, диск солнца золотил верхушки деревьев. Кабанов стоял, облокотившись на дверь «пепелаца», и вдыхал воздух городской окраины. Хаким остановил «шаху» у скособоченного забора, за которым притулился дом с маленькими окнами. Деревянные стены имели восемь градаций серого, крыша в черных заплатках рубероида.

– Вот, здесь тебя точно искать не будут. – показал рукой Хаким. – Работяг немного, менты сюда не ездят – дорога плохая, они по месту работы шкурят. Конечно, не дворец, но с крыши не капает и провод от столба ребята кинули – печка есть, готовить можно.

Хаким предлагал остановиться у него на квартире, но Кабанов не хотел привлекать внимание других квартирантов – таких же гастарбайтеров. И слух пройдет, и полиция пожаловать может за бакшишом, и Хакима подставлять негоже.

– Пойдем, посмотрим палаты. – сказал Дмитрий.

– Спать на полу придется, вон и место есть, – Хаким высмотрел свободный участок слева от двери, – намного матрацы раздвинуть и ты поместишься со всеми удобствами.

– Даже не на боку можно будет спать. – уныло констатировал Кабанов.

Створка окна была открыта, но запах азиатских рабочих пугал и комаров и молекулы озона и кислорода. Судя по матрацам, в комнатухе ночевали шесть гастарбайтеров, на протянутой леске сушились носки, в углу стояла закопченная сковородка с застывшим жиром, посередине с потолка свисал провод с лампочкой.

– Сейчас я тебе матрац с одеялом принесу.

Хаким вышел, за стенкой послышался грохот и ругательства на языке Саади и Турсун-заде, не нуждающиеся в переводе. «Джалаб» она и в Африке «Джалаб».

Хаким позвонил соплеменникам, предупредил о новом жильце, потом уехал. Кабанов разложил матрац, лег, пристроил пистолет за поясом поудобнее и заснул. Сквозь сон слышал приход таджиков, они переговаривались тихо, кто-то обернул лампочку газетой, чтобы меньше тревожить спящего.

Кабанов проснулся от недостатка воздуха и тревожных мыслей. Храпели и воняли таджики, в окне мерцали звезды над силуэтами деревьев. Кабанов поднялся, спотыкаясь о тела гастарбайтеров, прошел к окну. Легкие глотнули воздуха, обогащенная кислородом кровь понеслась к мозгу.

Жизнь – мерзкая штука. В ней побеждает тот, у кого меньше нравственных ограничителей. Человек человеку – волк, господин и раб. Так что мешает выйти из нее. Пальнул себе в голову, взял и вышел, как из трамвая. Или как из космического корабля. Что мешает? Страх? Страх животное чувство, но мы-то люди. Страх можно подчинить разумом. Доказал разумность решения и спустил курок. Жадность? Я уйду, а ты, сволочь, радоваться моему уходу будешь, жизни радоваться? Так не жадность это – несправедливость. Сначала ты, потом я, а там разберемся.

Сколь велика твоя ненависть? Готов ли ты обменять свою жизнь на две ненавистных тебе людей? «Да!» – ответил себе Дмитрий. К тому же это самый простой путь к спокойствию других людей.

Утром Кабанов попил чай с молчаливыми таджиками, потом вышел прогуляться, пока те собирались на работу. К 9 часам приехал Хаким. В отличие от Дмитрия он выглядел отдохнувшим, сменил рубашку, помылся.

– Как отдохнул? – доброжелательно оскалился азиат.

– Нормально. – проворчал Дмитрий.

– По тебе не скажешь. Что делать будем?

– Хаким, мне нужна работа. Такая, чтобы сразу много денег получить.

– Ха! Такая работа всем нужна!

– Работа, нерегулируемая трудовым кодексом и моралью.

– Так сразу ничего предложить не могу, брат. – развел руками Хаким. – Надо со старшими посоветоваться. А что надумал?

Кабанов тяжелым взглядом посмотрел на таджика.

– Надумал. А сейчас отвези меня, брат, к вчерашнему кафе.

Кабанов в дороге молчал, Хаким с разговорами не лез, только матерился сквозь зубы, попадая колесом в очередную рытвину.

– Все, Хаким, пока прощаемся, – протянул руку Дмитрий, прежде чем выбраться из машины. – Спасибо тебе, связь будем держать по телефону.

– Хреновые дела, детектив?

– Да, бывали времена получше.

Кабанов лежал на полу, на таком же продавленном матрасе, но, хотя воздух и не был перенасыщен кислородом, запахи стояли более вдыхабельные. На диване ворочался Борис Львович, под дверью смежной комнаты светилась полоска, там читал свою душеспасительную литературу Горохов.

Дмитрий обрел пристанище у дяди Бори, намереваясь за несколько дней придумать способ разжиться деньгами и заодно проконтролировать заточение бывшего сектанта. И, конечно же, среди своих хорониться комфортнее.

– Дядя Боря, – Кабанову не спалось, – ты вот много пожил, много видел, скажи, что о начальниках думаешь.

– О! – раздалось из темноты. – Русский начальник – это особенный начальник! Начнем с того, что начальник – это предел мечтаний для того русского, кто сам ничего делать не умеет, не хочет и желает самоутвердиться. Русский начальник прежде всего хам и самодур. Это принципиально, иначе подчиненные, по его мнению, разочаруются в нем, откажутся повиноваться. Ему надо во что бы то ни стало унижить подчиненного, начиная с «тыканья», заканчивая «Еб твою мать!» В голове у великого начальника клинит, и он переносит хамство на всех вокруг, кого считает слабее. Начальник с пеной у рта заставляет выполнять вроде явную бессмыслицу, но это только на взгляд подчиненного. У него же логика такая: если подчиненный это сделает, значит, достаточно подавлен, роптать не будет. А как он упивается своей безнаказанностью, прямо таки до оргазма!

– Почему у нас так?

– Рабы. Рабы снизу и «из грязи в князи» сверху. Нация у нас такая путем искусственного отбора выросла. – постановил Борис Львович.

Через несколько минут тишины Дмитрий спросил:

– Дядя Боря, ты говорил, в школе трудовиком работаешь? Глушитель можешь сделать?

– К твоей пукалке? – сообразил дядя Боря. – С одной стороны руки уже не те, с другой – ничего сложного там нет. Размеры надо снять, схему начертить. И не попить пару дней. Думаю, что смогу, детектив. Ключи у меня есть, в школе никого сейчас. А теперь спать давай.

Утром позвонил Хаким:

– Насчет работы. Надо тебя уважаемому человеку представить. Понравишься ему, даст работу, быстро разбогатеешь. Через 30 минут подъеду к «Джаляб Муллер».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.